

Рут Макер

ТАЙНА ВЕРЫ И НЕВЕРИЯ

Почему люди теряют веру

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ

ХРИСТИАНСТВО

Санкт-Петербург
Издательство «Шандал»
2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Верую, Господи! помоги моему неверию». Это хорошо известные слова из Мк. 9:24, произнесенные человеком, который привел своего сына к Иисусу и просил исцелить его от эпилептических припадков. На это Иисус ответил, что верующему все по силам. Тот человек мог бы сказать Иисусу о своей вере, но не сделал этого, ибо знал свое сердце. Иисус, несмотря на неверие просящего, вознаградил его: Он исцелил его сына.

«Верую, Господи! помоги моему неверию» — именно так я решила назвать первую главу своей книги. Прочитав ее черновой вариант, мой друг спросил меня: «Для чего это? Ты что, хочешь шокировать публику?» Я сказала ему, что это не так, что я просто стараюсь быть честной. Но потом, перечитывая главу и размышляя над его репликой, я поняла то, что, казалось бы, знала и так: читателю не всегда понятна мысль автора. Тем не менее я верю, что читатель правильно оценит сущность моего противостояния вере и в то же время мой искренний и честный поиск Бога.

Где проходит водораздел между верой и неверием? Этого я не знаю. Вера каждого из нас пребывает в какой-то точке огромного и субъективного по своей природе спектра, простирающегося от безграничной веры до глубокого скептицизма. Одни исповедуют непоколебимую веру в Бога, никогда не подвергаемую сомнениям; другие держатся за свою веру, отягощенную непониманием и сомнениями и находящуюся в миллиметре от неверия. Одних мучает чувство незащищенности, порожденное их собственным неверием, а другие чувствуют себя вполне комфортно в своей твердой уверенности в том, что Бога нет. К какой бы из этих категорий мы ни относились, мы обязаны прислушиваться к голосам других людей и воздерживаться от поспешных суждений.

Журналистка Мэри Кингсли, в 1893 году открывшая для себя Африку и впоследствии описавшая свои впечатления в книге «Travels in West Africa» («Путешествие по Западной Африке»), встречалась там с Мэри Слессор, великой пресвитерианской миссионеркой-первопроходцем в Калабаре. Вот что об этих встречах написала Кингсли: «Она подарила мне несколько прекраснейших дней моей жизни». Они много говорили на духовные темы, хотя и с противоположных позиций.

Гостья сделала следующее признание своей новой подруге-миссионерке: «Я многое бы отдала, чтобы иметь такую веру, как Ваша, но я не могу так верить, не могу. Наверное, Бог, создавая меня, забыл вложить в меня тот орган, который отвечает за веру»¹.

Я очень сочувствую этой женщине и всем другим Мэри Кингсли в этом мире. Я не могу их осуждать.

Почему она и многие другие не могут верить? И почему некоторые верующие не могут сохранить своей веры, несмотря на отчаянные усилия? Я размышляла над этими вопросами многие годы, и мне кажется, что сегодня я готова предложить читателю некоторые свои, еще не очень отчетливые, размышления на эту тему — в основном с опорой на свидетельства тех, кто, если можно так сказать, *испытал все это на себе*.

Богословские исследования на тему веры и неверия, посвященные возможности отступления от веры отдельного человека; могут занять множество томов. Однако не эта тема находится в центре внимания данной книги — я хотела подойти к проблеме веры и неверия скорее с человеческих позиций, опираясь на *реальность возможности* потерять свою веру. Однако приверженцы реформатской традиции, верящие в незыблемость христианского спасения, которое не может быть утеряно или отрицаемо, видят в этом некий парадокс. Итак, мы оказываемся в затруднительном положении. Как объяснить, что человек, много лет прослуживший в церкви, вдруг отходит от веры? Мне кажется, однозначный ответ здесь дать невозможно — ни такой, который разрешил бы проблему, ни такой, который мог бы хоть как-то удовлетворить всех. И нам не остается ничего другого, кроме как избегать данной темы и только наблюдать за тем, как наши братья и сестры во Христе *по всем признакам* уходят от веры. Мы предпочитаем замалчивать эту тему, потому что не знаем, как нам с этим жить.

Я попытаюсь взглянуть на эту проблему сквозь призму человеческого восприятия. Я не могу посмотреть на нее глазами Бога и увидеть, кто искренен, а кто нет. Я также не знаю, кто в определенное Богом время склонит колени пред Его престолом и уверует в Иисуса. Все это в руках Божьих. Тем не менее люди, отвернувшиеся от Бога, тоже заслуживают того, чтобы быть услышанными. Для меня как для христианки необходимо услышать рассказы этих людей, чтобы лучше их понять — понять и устремиться навстречу им для общения в любви.

Нередко реакцией христиан на такие явления бывают раздражение и осуждение. Само присутствие рядом с нами тех, кто предал столь дорогие нашим сердцам истины, вызывает у нас тревогу, и иногда мне кажется, что ощущение угрозы с их стороны отдаляет нас от них и разрушает общение между нами — верующими и бывшими верующими.

Как же нам относиться к тем, кто однажды утратил веру? Этот вопрос встал передо мной, когда я беседовала с Робом и Ким в их доме в Гранд-Рэпидс, что в пятнадцати минутах езды от моего дома. Мне посоветовали встретиться с Робом как с человеком, отступившим от веры. Он пригласил меня к себе домой, и мы с ним и его женой Ким вместе провели вечер. Оба они родились в католических семьях, но в зрелом возрасте пережили «рождение свыше» и стали членами Реформатской баптистской церкви, в которой в течение многих лет активно несли служение. «Тогда за веру я готов был отдать жизнь, — вспоминает Роб. — Пятнадцать лет назад и в кошмарном сне я не мог представить, что сегодня буду сидеть здесь и говорить вам, что я атеист». Но это было именно так. Подобные истории я слышала и читала много раз. Все начиналось с вопросов — совсем невинных вопросов, касающихся очевидных библейских несоответствий. Потом появлялись более масштабные и неразрешимые вопросы. И в конце концов вся система начинала разваливаться. Движение по маршруту «фундаментализм — либерализм — агностицизм» занимало несколько лет. «Возвращение для меня невозможно. Это исключено», — сказал Роб.

Но более всего меня поразило то, какими милыми и доброжелательными людьми оказались Роб и Ким. Это интеллигентные, начитанные люди, родители четверых детей от 7 до 17 лет. Общение их друг с другом и со мной было таким легким и непринужденным! Не было никаких сомнений в том, что они по-настоящему счастливы и что они радуются своему счастью — счастью, которого, согласно настойчивым утверждениям Роба, они не знали раньше, когда были верующими. Как ни невероятно, но жизнь их представлялась совершенно нормальной. Но ведь это далеко не та жизнь, какую мы, евангельские христиане, представляем себе счастливой. Что же происходит? Как нам разгадать эту тайну веры и неверия? На этот ключевой вопрос я попытаюсь ответить в своей книге.

Поставив себе цель нарисовать портрет отступника от веры, мы будем рассматривать его в довольно узком аспекте. Наиболее типичные

черты отступника от веры мы найдем в человеке, который воспитывался в христианской семье и в молодости активно исповедовал свою веру, но утратил ее в период взросления или позднее. Во всем этом больше апатии, чем гнева, а атеизм и агностицизм редко имеют здесь место. И в самом деле, при опросе такие люди называют себя христианами и исповедуют свою веру в Бога и Небесное Царство, говорят о важной роли Библии, но все это преподносится ими с точки зрения практической полезности, и их вере нет места ни в их частной, ни в их общественной жизни. Какими бы интригующими ни были истории этих людей, эта книга не о них. Она также не о вольнодумствующих юношах, исповедующих атеистическую философию, но ни разу не потрудившихся вникнуть в смысл христианской веры. Она также не о тех, кто переходит из одной деноминации в другую или из одной религии в другую.

Роб и Ким являются типичными представителями категории людей, рассматриваемой в этой книге, — некогда духовно сильные христиане, а ныне агностики. В центре нашего внимания будут находиться выходцы преимущественно из североамериканского региона, а также частично из Европы. Важные свидетельства, например, африканских или афроамериканских вероотступников я из своего исследования выпустила, хотя и сделала это непреднамеренно.

Работая над этой книгой, я поняла, что для многих людей прикосновение к этой теме равноценно прикосновению к обнаженному нерву. Для одних само известие о том, что кто-то предал веру, невыносимо болезненно и небезопасно. У других оно вызывает недоумение и огорчение.

Недавно я вместе с одним моим приятелем встречала в аэропорту незнакомую мне женщину. Когда мы с ней познакомились, мой приятель рассказал ей о лекции на тему отступничества, которую мы незадолго до того прослушали. Она отреагировала на это сообщение так: «Я не понимаю, как это вообще возможно». А я понимаю. Я иногда думаю: «Если бы не Божья благодать, многие ли из нас были бы верующими?» Что касается меня, то, несмотря на постоянно присутствующее во мне неверие, во мне живет какое-то чувство безопасности, дающее мне полную уверенность в том, что я никогда не смогу отойти от веры. Я не могу этого объяснить. Это остается для меня тайной — то, что сочетание во мне веры и неверия является постоянным источ-

ником напряжения и боли, но боли, которая мобилизует меня и никогда не позволяет мне расслабиться в моем духовном поиске.

Хотя у меня нет привычки копаться в себе в поисках ключа к разгадке этой тайны, недавно мне пришлось этим заняться. Я прочла статью, появившуюся по инициативе одного издателя, в которой он анализировал окончательный вариант рукописи данной книги. Обозреватель сделал о ней несколько глубокомысленных замечаний, которые я здесь привожу:

Читая между строк, я пришел к выводу, что Такер прилагает немалые усилия, чтобы кое-что утаить от читателя. У меня такое чувство, что в глубине души она исследует эту проблему более глубоко. В некотором смысле Такер подходит к проблеме с позиций протестантской теологии, глубоко и серьезно... Периодически я задавался вопросом, не сдерживает ли она себя по той причине, что большая часть ее энергии направлена на то, чтобы проявлять искусственность и осторожность? Такер прекрасно понимает, что имеет дело с пороховой бочкой... Тем не менее я думаю, что причина ограниченности масштаба ее исследования заключается в том, что она прекрасно осознает «шокирующий» характер своего материала. Ее честность — крайне осторожная честность, и мне кажется, что эта честность иногда становится помехой на ее пути.

Меня позабавило то, что я прочла, и я сразу же подумала: *автор статьи меня не понимает. Он меня не знает и поэтому не понимает, что человек, которого он так старательно толкает к постижению глубин, — этот человек чувствует себя комфортно на мелководье и только там.* Глубокие мыслители говорят, что глубинные истины можно найти лишь в глубоких местах. Возможно, это так, но я стою на мелководье и обозреваю поверхность в поиске открытий и истин, которых глубокие мыслители обычно не замечают. Я могу согласиться с обвинением в несостоятельности, поверхностности или неточности моей позиции, но я не принимаю обвинений в неискренности и стремлении замаскировать свои истинные мысли и чувства. Если чрезмерная осторожность и деликатность действительно имеют место с моей стороны, то это происходит скорее от неуверенности, нежели от нежелания быть честной до конца. Впрочем, я готова принять к сведению это частное мнение если не ради пользы других, то хотя бы ради пользы для меня самой.

В *Первой части* книги я начинаю исследовать тему вероотступничества с откровения о моих собственных духовных блужданиях, после чего предлагаю вниманию читателей два других «характерных случая»:

одна история прослеживает пути двух проповедников, вторая рассказывает о борьбе одной семьи за сохранение веры. В этой части я также касаюсь личности «главного персонажа» этой драмы — Бога и поисков Бога — поисков, которые часто характеризуется как «путь во тьме» или «темная ночь души».

Вторая часть книги посвящена размышлениям о сущности современных факторов, противодействующих христианской вере. В ней рассказывается о некогда активных верующих, которые потом утратили свою веру. Здесь также анализируются причины потери веры — такие как увлечение некоторыми аспектами философии и науки, или попытка преодолеть теологические проблемы, или борьба с библейской критикой, или поиск ответов на психологические и социологические вопросы, или разочарование в Боге и служителях церкви.

В *Третьей части* книги рассматриваются обе стороны нашей темы: с одной стороны, показана новая жизнь людей, отступивших от веры (в позитивном и негативном свете), и нарисованы портреты «миссионеров неверия», а с другой — даны ответы на серьезные вопросы о неверии и свидетельства о возвращении к вере.

Эта книга предназначена как для верующих, так и для неверующих людей. К верующим я обращаюсь с призывом попытаться лучше понять тех, кто лишился веры, в частности тех, кто на время отошел от нее, а для этого более внимательно прислушаться к их рассказам и честно и искренно выразить свое отношение к ним. Те же, кто борется со своими сомнениями, вряд ли найдут в этой книге готовые ответы. Однако она дает читателю возможность погрузиться в мир парадоксов и тайн, тем самым следуя совету Паркера Палмера, который приучает своих студентов любить вопросы и «жить в гуще жизненных проблем». «Этому есть лишь одна альтернатива — не жить вообще!»²

Неверующих я призываю серьезно поразмышлять над тем, что они теряют, живя без веры, и спросить себя, не исходит ли их отрицание веры из лживых предпосылок, таких как поиск доказательств веры, которая в принципе не может основываться на доказательствах. Путь веры не для слабых: иногда он напоминает дорогу по болоту и зыбучим пескам. Однако награды, ожидающие нас на этом пути, — какими бы неощутимыми они нам ни казались, — придают ему бесконечно высокий смысл.

Часть I

 Чтобы понять феномен отступничества, необходимо с открытым сердцем вникнуть в известные нам истории. Вера есть дар от Бога, но в ней одновременно присутствует и человеческая «инициатива». Поэтому вера никогда не бывает статичной: она постоянно движется или к Богу, или от Него. В *Главе 1* я рассказываю о своих собственных блужданиях, сопровождавшихся приближением к Богу и удалением от Него. Я предлагаю читателю познакомиться с моей историей не потому, что считаю ее очень интересной или наиболее типичной, но потому, что читатель, возможно, хочет знать, какой путь веры прошел человек, взявшийся изучать феномен потери веры.

В *Главе 2* рассказываются истории Билли Грэма и Чака Темплтона, а точнее — решительное стремление к Богу одного и мучительный отход от Бога другого. Помимо прочего, в этой главе развенчивается миф о том, что люди, отошедшие от Бога, обычно отличаются злобным и бунтарским нравом. Для Темплтона и многих других этот процесс сопровождался горестью и мучительным чувством утраты. *Глава 3* посвящена истории жизни Роберта Персолла Смита и Ханны Уитолл Смит, прославленной супружеской пары миссионеров, жившей в XIX веке. Эта история ярко демонстрирует драму, в которой на авансцену выходят такие факторы, как воспитание и природа. Помимо того что в этой семье, по всей видимости, был жив *ген неверия*, большую роль в ней сыграла также атмосфера неверия. Для нашего времени этот рассказ может стать полезным свидетельством.

В следующей главе ставится вопрос, Кто есть Он, стоящий в эпицентре всей этой дискуссии. Это Бог — Тот, Кого мы знаем и Кого не знаем, и Кто имеет Свое собственное отношение к отступнику. Это Бог, удерживающий меня около Себя, несмотря на слабость моей веры. В последней главе этой части рассматриваются крайние случаи проявления веры. Главнейшее средство поиска Бога с помощью Библии, каким оно показано в стихе «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118:105), извращается в свидетельствах о «путях тьмы». Для моего мировосприятия, сложившегося в фундаменталистском и евангельском окружении, это звучит странно и устрашающе, однако эти свидетельства значимы в контексте литературы о духовном формировании христианина, особенно в католической традиции. Поэтому важно понимать этот «путь» не как «уход», а как альтернативу поиска Бога посреди бесконечности тьмы, молчания и неизвестности. Об этом пути стоит поразмышлять тем христианам, кому приходится вести борьбу с сомнениями и неверием.

ГЛАВА 1

«ВЕРУЮ, ГОСПОДИ! ПОМОГИ МОЕМУ НЕВЕРИЮ»

Когда мы пишем о чрезвычайно важных для нас вещах, слова уносят нас туда, куда мы идти не хотим. Мы начинаем понимать, что будем говорить о том, о чем говорить не хотим, о том, о чем, быть может, говорить даже опасно, но совершенно необходимо.

Кэтлин Норрис

Где среди необъятных просторов вселенной находится Бог? Как найти Его среди миллиардов звезд, миллиардов световых лет и миллиардов людей, населяющих нашу планету? Простого ответа нет. Наивная, детская вера прошлого бледнеет перед авторитетом научных открытий, которые поглощают Бога, будто засасывая Его в черную дыру. Когда я смотрю на ночное небо, я спрашиваю себя: «Не является ли моя вера плодом моего воображения? Где тот Бог — не Бог “большого взрыва”, не безразличный Властелин, не Тот, Кто есть Основа всего бытия, а тот, библейский Бог, Который знает меня и каждую мою мысль?»

Сегодня, в начале нового тысячелетия, мы все чаще слышим об обновлении и возрождении миссионерства. Люди ищут Бога. В воздухе повышенное содержание духовности. Духовностью торгуют на всех

углах. Происходит нечто, напоминающее торговлю индульгенциями во времена Мартина Лютера. По мере приближения 2000 года растет религиозный экстаз. Однажды мне в руки попала очень красочная брошюра объемом в двадцать страниц с броским заголовком «Все что вам нужно, чтобы достойно отметить величайшее событие за 2000 лет». На одной из ее страниц читателю предлагалось издание под названием «Пособие для служителей» стоимостью 25 долларов; ниже на той же странице был дан ответ на вопрос «Как узнать Бога?» — и всего за 25 центов! Ну чем не выгодная сделка!

Но есть и другая, темная, сторона этого феномена под названием «миллениум», имеющая прямое отношение к нашей вере и хорошо известная нынешнему поколению. В реальности она сопровождает нас с незапамятных времен как одно из наших свойств, о котором мы так редко говорим, — это наша способность терять веру. А поскольку никому не хочется омрачать подобными разговорами всеобщее торжество, в добропорядочных религиозных собраниях не принято касаться темы вероотступничества. Тем не менее это реальность, с которой христианам в нынешнем веке приходится сталкиваться особенно часто, несмотря на все молитвы, посты и вознесение рук к небу.

Постмодернизм стал благоприятной средой для веры в сверхъестественное, однако он не смог остановить эту утечку из трубы христианства, которую не способна остановить ни тефлоновая мастика, ни водонепроницаемая лента, и вера капля за каплей продолжает из нее вытекать. Несмотря на то что в ее резервуарах поддерживается должный уровень наполнения верующими, утечка продолжается и устранить ее не могут никакие новейшие клеящие составы постмодернистских водопроводчиков. В современной обстановке постмодернистской духовности, варьирующейся от движения «Новая эра» с его путаным учением до харизматов с их разгоряченной эмоциональностью, ортодоксальное учение выглядит вполне разумным. Однако *разумность* веры не убеждает скептиков гуманистического толка. Несмотря на все хвалебные речи в адрес «светского гуманизма» и научного натурализма, модернизм не умер, а постмодернизм не занял его места. Гуманизм жив и здоров. Я утверждаю, что именно это философское учение было и остается скрытым источником феномена вероотступничества.

Интерес к этому явлению сопровождает меня уже много лет. Я помню наши дебаты в колледже о том, может ли спасенный человек по-

терять спасение. Доктрина, которую я изучала в курсе теологии, отрицала такую возможность, однако мое мышление не ограничивалось доктринальными формулами. Оглядываясь вокруг, я видела, что можно быть христианином, а потом, через какое-то время, усилием воли отвергнуть свое посвящение. Я уже тогда понимала, что вечное спасение, большинством христиан принимаемое как нечто само собой разумеющееся, в моем случае не является гарантированно «вечным».

Как мне следует истолковывать свидетельства о своем прошлом и настоящем людей, потерявших веру? Что мне делать с Деном Баркером, который после многих лет служения в качестве благовестника, будучи автором и издателем христианской музыки, сегодня не только не верит, но проповедует атеизм? Может быть, он никогда не был христианином? Я могла бы это утверждать в поддержку моей теологической концепции, но это противоречило бы его собственному свидетельству о самом себе. Если я буду считать его христианином, несмотря на то, что он это отрицает, это опять же будет выглядеть как пренебрежение к его собственному свидетельству. И у меня нет оснований утверждать, что в своей жизни он еще вернется к вере.

Несмотря на всю важность богословских доктрин, мы не должны позволять им жесткостью своих формулировок и метафизической терминологией связывать нас настолько, чтобы мы потеряли ощущение реальности живой (или умирающей) веры.

В основу этой книги положены рассказы о жизни людей, которые могут стать ключом к раскрытию тайны веры и неверия. Как и у тех людей, истории которых рассказаны в этой книге, у меня тоже есть своя история — история жизни, отмеченной переплетением веры и неверия. Моя жизнь начиналась на небольшой ферме на севере Висконсина, там же началось и мое духовное странствие.

История моего обращения представляет определенный интерес. Мне было шесть лет, и был последний день занятий в Библейской каникулярной школе. Когда прозвучало приглашение выйти вперед, моя девятилетняя сестра подняла руку, и я, глядя на нее, тоже подняла руку. После этого меня отвели в заднее помещение церкви, где я оказалась в самом конце очереди за спасением. Пока я стояла в этой очереди, в комнату вбежал какой-то мальчик и объявил, что приехала моя мама, чтобы забрать нас с сестренкой домой. В тот момент мне

так сильно захотелось домой, что это желание пересилило страх потерять свое место на небесах, и я побежала к машине.

Моя семья не была религиозной. Родители регулярно посещали нашу маленькую сельскую церковь, однако не были ее членами. Мой отец чересчур увлекался движением адвентистов 7-го дня и другими религиозными течениями. У мамы была своя *позиция* в этом вопросе. Я не знаю ее предпосылок, но по некоторым признакам маминого поведения в период моего детства и юности я догадываюсь о ее противлении учению об адском огне и горящей сере, слышанному ею в детстве и преследовавшему ее в зрелом возрасте.

Однако пассивность моей семьи не остудила моего рвения в поиске веры или, точнее сказать, моего страха перед адом. Я очень хотела спастись, хотя мой шестилетний ум говорил мне, что свой шанс я уже упустила. Но так же, как я была уверена в том, что весной снова расцветут ландыши, я была уверена и в том, что на следующий год снова откроется Библейская каникулярная школа. И я ждала этого целый год. После окончания первого урока, когда наша учительница мисс Бак (студентка библейского колледжа) отпустила нас на завтрак, я догнала ее у дверей пастората и спросила напрямик: «Можно мне получить спасение?» Она была настолько поражена моим вопросом, что заплакала. Я растерялась и подумала, что сделала что-то нехорошее. Но мой страх тотчас исчез, когда она наклонилась, чтобы обнять меня, и предложила вернуться в церковь.

Мы спустились в подвальное помещение нашей маленькой церквушки и вместе встали на колени на холодный бетонный пол. Это был момент, когда я «пригласила Иисуса войти в мое сердце». Когда наша молитва закончилась, мисс Бак уверила меня, что мое имя записано теперь в Книге жизни Агнца. В моей голове прозвучало это самое главное слово: «записано». Совсем недавно я научилась писать свое имя и теперь представляла себе, каким красивым почерком оно должно быть *записано*. Я словно видела, как Иисус *записывает* мое имя Рут Энн Штеллрехт в Свою Книгу жизни.

Я никогда не забуду те свои детские переживания. Я буду хранить их в сердце до конца своих дней. Два моих брата и две мои сестры тоже исповедали в Библейской каникулярной школе свою веру, но они уже давно живут жизнью неверующих. Что касается меня, то сомнения в моей голове появились спустя несколько недель после обраще-

ния. Я помню, что ломала голову над тем, как библейская история согласуется с существованием динозавров. Впрочем, наряду с сомнениями во мне жила детская вера, которая, когда в теплый летний день я смотрела на пушистые облака, убеждала меня в том, что, как писалось в моем любимом детском гимне, «где-то там, за этой синью небес, мой дом».

Когда мне было тринадцать лет, моя юношеская вера оказалась сильнее моих сомнений. В летнем библейском лагере я приняла решение стать миссионером. Один выдающийся оратор и видный миссионер, прибывший к нам в отпуск из Африки, произнес потрясающую речь. Когда он обратился к залу с призывом, я встала, свидетельствуя этим о своем согласии принять приглашение Господа. Это был подлинный «призыв», на который с радостью отозвалась моя чувствительная юношеская душа и который радикально изменил всю мою жизнь. Не так давно в разделе новостей одной из газет я натолкнулась на дополнительную информацию к этой давнишней истории. В ней сообщалось о том, что в одном из миссионерских интернатов Африки совершено сексуальное насилие. И вдруг с газетной страницы меня буквально хлестнуло имя того самого миссионера. Я онемела. Оказывается, за два года до того дня, как он приехал в наш лагерь и я услышала его призывную речь, он был воспитателем интерната, где систематически совершал надругательство над маленькими девочками. Иногда я спрашиваю себя, что же странного в том, что люди теряют веру?

Этот призыв стать миссионером одновременно вдохновлял и тяготил меня на протяжении всех моих школьных и студенческих лет и постепенно умер на пороге моей зрелости, для того чтобы воскреснуть позднее, когда я вошла в состав миссии благодаря чтению книг, преподаванию, проповедям и кратковременным миссионерским поездкам за границу. Все это время мою душу продолжали терзать сомнения. На младших курсах библейского колледжа я пыталась решить для себя проблему канона и найти ответ на мучивший меня вопрос, кто решил, что именно эти книги должны войти в канон. Даже если Библия действительно является подлинным Божьим Словом (более того, если оригинальные манускрипты непогрешимы), то решение включить в нее те или иные Книги принималось людьми. Никаких свидетельств об откровении на эту тему нет. Разумеется, я знаю, что за

каноном стоит добротная церковная традиция: я видела документы, свидетельствующие об определенной степени единогласия среди отцов Церкви, но все-таки шанс для ошибки остается. А если в канон вошли Книги, которым там быть не следует, и не вошли те, которые должны были войти, то мы сталкиваемся с серьезной проблемой. Это было камнем преткновения для меня в студенческие годы и в известной мере продолжает оставаться им и сегодня.

За исключением проблемы канона у меня не было серьезных сомнений относительно доктринального учения. Некоторые люди сомневаются в божественности Христа, или в реальности непорочного зачатия, или воскресения, или Небесного Царства. Такие сомнения меня никогда не посещали, вероятно, по той причине, что мои сомнения восходили прямо к величайшему вопросу о самом существовании Бога. И сегодня они вращаются в этом же круге. Когда я смотрю на ночное небо и знаю, что за этим видимым звездным куполом находятся миллиарды галактик и звезд, удаленных от меня на огромные расстояния световых лет, я невольно начинаю задаваться вопросом: «Где же в этой громаде космоса находится Бог?» Да, большинство моих сомнений посещает меня во время созерцания ночного неба. Меня мало трогают научные открытия, многих христиан повергающие в благоговейный трепет перед Богом. Иногда мне кажется, что я бы лучше адаптировалась к какой-нибудь разновидности средневекового христианства, полагающего, что Земля является центром сотворенной Богом вселенной, а звезды поставлены на свои места в четвертый день творения. Но, к моему сожалению, на меня ежедневно обрушивается информация о новых научных открытиях, которая все более и более удаляет меня от Бога.

Но не только ночное небо тревожит меня. Несколько лет назад я преподавала курс истории философии. Первый цикл лекций прошел довольно гладко. Сам предмет был настолько далек от меня, что я даже не находила времени для размышлений на эти темы. Единственной моей целью было достижение такого уровня понимания мной материала, который позволил бы мне качественно доносить его до моих студентов. Однако при повторном чтении курса лекций все стало меняться. Я начала вдумываться в философские теории, которые, между прочим, совсем не способствовали укреплению моей веры. Через несколько лет, когда я работала над одним проектом, я прочла ряд книг

по социологии религии. Тогда я впервые столкнулась с аргументами, бросившими серьезный вызов сверхъестественным основам веры. Закончив проект, я решила держаться подальше от этих вопросов.

Было в моей жизни событие, которое так же сильно повлияло на мою веру и мое неверие. Это случилось 23 сентября 1969 года. Брат по телефону сообщил мне, что наша мама погибла в автокатастрофе. Мир сомкнулся над моей головой. Как страшно было принять известие о том, что моя мама — такая импульсивная, живая женщина, так гордившаяся своими пятью детьми, — мертва, но еще страшнее была мысль о том, что она не попала на небо. Мой фундаментализм, хотя и ослабленный сомнениями, не допускал, что люди, к которым относилась моя мама, могут попасть на небеса. Она регулярно посещала нашу маленькую сельскую церковь «Christian and Missionary Alliance» («Христианское и миссионерское единство»), в которой я получила спасение, но она никогда не «вступала в игру». Если у нее и была вера, она никогда прилюдно о ней не говорила, и она никогда не молилась вслух. Этого было достаточно, чтобы отнести ее к категории «подозрительных». Не имело значения, что ее любимым гимном был гимн «In the Garden» («В саду») и что она так радовалась моему решению учиться в библейском колледже. Теперь я знаю, что у нее была вера, и была она, возможно, во многих отношениях сильнее моей. Но ведь я так хорошо умею молиться перед собранием, у меня такое замечательное свидетельство, а иногда я даже могу произнести очень хорошую проповедь — то есть я умею делать то, что имеет ценность в глазах людей!

Однако смерть мамы была тем, с чем я не могла примириться в контексте моих отношений с Богом. То, что произошло, не было обычной, хотя и страшной, дорожной аварией, когда штук двадцать автомашин сталкиваются в снежном буране, обычном для северного Висконсина, — это случилось ясным осенним днем на перекрестке сельских дорог. И самое ужасное, что произошло это в двух шагах от дома, в котором прошло ее детство (ее брат, живший тогда на ферме, стал первым свидетелем несчастья), и в трех милях от фермы, на которой родилась я. Сотни раз я пересекала тот перекресток, и *ни разу* не видела ни одного автомобиля. Но в тот день там оказались сразу две машины, приближавшиеся к этому перекрестку, и ни один из водителей не видел другого, чтобы вовремя остановиться.

К мучившим меня сомнениям абстрактного характера теперь добавились мои личные сомнения относительно Бога, Которому я поклонялась, и мысли о том, как произошедшее несчастье может сочетаться с моей верой. «...Все содействует ко благу» — я наизусть знаю эту строчку из Рим. 8:28. *«Но нет, нет! — восклицаю я. — Не все содействует ко благу. В случае, если действительно есть всемогущий Бог, то почему, о Боже, почему Он не предотвратил этого ужасного несчастья?»* Много раз после смерти мамы, в течение многих дней, месяцев и лет, я задавалась этим вопросом, однако ни разу не позволила себе выразить свой праведный гнев. В конце концов в том, что произошло, была и моя вина, так как я не помогла маме при жизни обрести спасение.

Стихотворение, написанное Мередит Грей, передает боль моего сердца в тот период моей жизни. В этих словах звучит горестный мотив протеста Богу в дни скорби:

Дорогой Господь!
Как Ты можешь спокойно гулять
По звездным владениям вечности,
Раскачивая фонарем, изливающим лунный свет,
И сообщая ночным сторожам: «Все хорошо. Все хорошо»,
Когда мое сердце черно от горя?..
Светильник моей жизни разбит,
Вокруг меня тьма,
И я, потеряв мать, теряю свой путь!..¹

Спустя много лет, когда я была членом преподавательского коллектива одного солидного богословского факультета в Колледже Кальвина, я впервые увидела экранизацию пьесы Эли Визеля «The Trial of God» («Суд над Богом»), в которой Бог привлекался к ответу за Холокост. Увиденное так сильно подействовало на меня, что, войдя в учебный класс, я безо всякого вступления посадила Бога на скамью подсудимых. Я сказала своим студентам, что, хотя на нашу долю не выпал Холокост, у каждого из нас, без сомнения, есть претензии к Богу. Я рассказала им о своем счете к Нему, а потом попросила каждого сделать то же самое. Все это произошло совершенно спонтанно. Никогда прежде мне и в голову не приходило так прямо осуждать Бога, но тогда, стоя перед аудиторией из 23 студентов, я это сделала.

Я рассказала им о своей маме и о том, как сильно я любила ее. Я сказала, что она погибла в самом расцвете сил — ей было 57 лет, о

том, как она, простая жена фермера, поднялась до своего «собственного» дела и стала в больнице помощницей медсестры, о том, как вместе со своими новыми подругами по работе она любила посещать аукционы и торги недвижимостью. Она следила за своим весом и добилась снижения кровяного давления. Впереди у нее было еще 25 лет жизни. И вдруг ее убили. К ней не подходило слово «отошла», и даже слово «умерла» не соответствовало ее ситуации. Она была *убита*. И чем тяжелее, чем страшнее звучало это слово, тем более оно казалось соответствующим тому, что с ней произошло. Она так и не увидела моего ребенка. Я вышла замуж за год до этого, а мой сын родился только через пять лет. Мама обожала бы его.

Слезы душили меня, пока я рассказывала все это моим студентам. Я не говорю сейчас и не говорила тогда, что кто-то *убил* ее намеренно. Но если существует всемогущий Бог, Который знает, когда на землю упадет раненая птица, то почему это случилось? Что происходит? Если бы Бог *не хотел* этого, Он бы этому помешал. А с позиции справедливого суда — моего суда над Богом — это, как минимум, подразумевало обвинение в человекоубийстве.

За моим рассказом последовали такие откровения студентов, такие жизненные истории, каких я даже представить себе не могла. В тот день в нашем учебном классе пролились слезы. В конце я в молитве попросила Господа простить нас, если мы были виноваты перед Ним и нуждались в Его прощении. Этого я не знала. Тот промежуточный учебный курс был рассчитан на две недели ежедневных занятий, и я заметила, что, несмотря ни на что, за это время студенты глубже познали природу Бога и сильнее ощутили свою слабость и ограниченность.

Что касается меня, тот суд над Богом дал выход глубоко сидевшему во мне гневу, присутствие которого я даже не осознавала, что позволило мне вырваться из плена своих эмоций. Но тут же заявила о своем существовании более серьезная проблема: осуждение Бога никак не свидетельствует о неверии, но, напротив, является определенным признаком веры. Иначе для чего творить такое кощунство, если не веришь в Бога? Однако моей вере угрожало нечто более серьезное, чем гнев. Моя проблема заключалась в молчании Бога.

Я не слышу голоса Бога так, как его слышат другие. Моя подруга Марсия из Эвергрин (штат Колорадо) слышит Божий голос. У нее

есть нечто вроде особого канала связи с небом, о котором я раньше даже не подозревала и которым, наверное, обладали некоторые ветхозаветные пророки. И Бог приходит к ней наяву. Она художница и поэтому отражает свои видения на полотне. Я люблю бывать в обществе Марсии, потому что ее веры хватает на нас обеих и потому что она любит меня и принимает меня такой, какая я есть.

Но у меня нет такой связи с Богом, какая есть у нее. Обычно я не слышу голоса Бога, за исключением тех случаев, когда пою какой-нибудь старый гимн или поднимаю руки в окружении возбужденной толпы, распеваящей «Shine Jesus Shine» («Сияй, Иисус, сияй»). В такие моменты, когда мои вибрирующие голосовые связки производят звуки, пронизывающие всю вселенную, мне кажется, что я слышу Его голос и явственно ощущаю Его присутствие. Однако такие моменты нехарактерны для моей жизни. Этот факт я осознала благодаря поэзии Эмили Дикинсон:

Я знаю, что Он существует
Где-то там — посреди Молчания.
Он скрывает Свою тайную жизнь
От наших грубых взоров.

Это игра мгновения,
Это шутивная засада —
Но пусть блаженство
Получит свой сюрприз!

Но не закончится ли эта игра
Жестокой атакой?
Не обернется ли веселье
Застывшей маской смерти?

Не обойдется ли веселье
Слишком дорого?
И не заходит ли эта шутка
Слишком далеко?²

«I know that He exists...» («Я знаю, что Он существует...») — самое искреннее исповедание веры, на какое была способна Эмили Дикинсон. Я исповедую то же самое и запечатлеваю это на бумаге. Да, Бог существует, но, как у Дикинсон или как у псалмопевца, у меня часто возникает чувство, что Он скрывается где-то далеко, за всеми галактиками. К счастью для меня, я принадлежу к Реформатской церкви, которая очень серьезно относится к псалмам. Псалтирь является нашим

сборником церковных гимнов, и многие хоровые хвалебные песни опираются на тексты псалмов. «Молчание Бога — постоянная тема так называемых плачевых псалмов, — пишет Келли Кларк, преподаватель Колледжа Кальвина. — Чуть ли не половина всех псалмов пронизана скорбью о том, что, судя по всему, Бог покинул Свой народ. В них звучат горькие слова к Богу, оставившему Израиль в его тяжелой скорби»³. Вот, например, строки из такого псалма: «Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец, доколе будешь скрывать лицо Твое от меня? Доколе мне слагать... скорбь в сердце моем день и ночь?» (Пс. 12:2–3).

В последние годы, размышляя над феноменом сомнений и читая книги на эту тему, я увидела, что лишь немногие авторы относятся к ней с должной серьезностью. Ни один из них, исследуя тему сомнений, не смог адекватно оценить ту силу, которой они обладают. Свою цель большинство авторов этих книг видит в том, чтобы убедить нас, сомневающихся, что, в сущности, в сомнениях нет ничего плохого, что, наоборот, даже хорошо, что наша вера укрепляется нашими сомнениями, что добропорядочный, мыслящий христианин не может состояться, если он не пережил в своей жизни сомнений. Об этом говорят, в частности, названия некоторых посвященных этой теме книг: «The Sunnier Side of Doubt» («Позитивная сторона сомнений») Алистера Макграта и «Living Faith While Holding Doubts» («Живая вера под атакой сомнений») Мартина Копенхавера, который уверяет читателя в том, что «вера в Бога есть дар» и что «сомнение также есть дар». Лесли Ньюбигин озаглавил одну из глав своей книги так: «Сомнения как путь к уверенности». Но как мало сказано ими о другой стороне сомнений — темной и устрашающей, логическим следствием которой является неверие!

Это и есть тема данной книги. Ее можно назвать собранием свидетельств некогда активных христиан, многие из которых долгие годы посвятили христианскому служению, а потом утратили свою веру. Эта книга не воздает хвалы сомнениям, ибо истории, описанные в ней, правдивы. Они далеко не радостные, за исключением тех свидетельств отдельных людей, которые ощутили себя неизмеримо счастливее без христианской веры. Многие рассказанные здесь жизненные истории могли бы стать замечательными образцами христианской литературы. Кто эти люди, ведущие героическую борьбу за веру, которая часто — но отнюдь не всегда! — заканчивается поражением? Книга отца Май-

кла Пола Галлахера «Help My Unbelief» («Помоги моему неверию») открывается довольно интригующим заявлением: «В тот самый вторник, во время вечерней мессы, я окончательно стал атеистом».

Определенную уникальность этой книге придает моя собственная интерпретация описываемых в ней событий. В ней отражено мое серьезное отношение к процессу перехода от веры к неверию и попытка осмыслить его сущность. Я понимаю это, когда читаю свидетельства и говорю себе: «И со мной такое бывает». Однако, в отличие от вероотступников, я никогда не последую их примеру — хотя бы по причине того таинственного факта, что Бог удерживает меня. Кроме того, это моя культура, моя традиция. Я люблю библейские рассказы и старые гимны. Я закрываю глаза и вижу Иисуса «на старом кресте», что стоит «на далеком холме». Я с удовольствием сажусь за пианино и напеваю «Softly and Tenderly Jesus Is Calling» («Мягко и нежно Иисус призывает») и другие песни из потрепанного сборника христианских гимнов. Вместе с моей любимой внучкой Кайлой мы разучиваем библейские стихи и песни. Это моя вера, и я никогда не откажусь от нее — и Бог никогда не откажется от меня.

Но верю ли я в это? Иногда мне кажется, что если бы все зависело от моей веры, я была бы обречена. Но мое спасение не зависит от нее — оно зависит исключительно от Божьей благодати. Даже когда моя вера ослабевает, я уверена в том, что Бог держит мою жизнь в Своей руке. Иногда я завидую тем, чья вера непоколебима, кто во много раз талантливее меня. Как бы мне хотелось избавиться от необходимости сражаться за свою веру, чтобы даже в подсознании меня не мучил вопрос: есть ли на самом деле Бог или моя вера — это всего лишь дань традиции или человеческое изобретение, по выражению религиозных социологов? Тем не менее я признаю, что мое непонимание и мои вопросы являются частью моей психологической и духовной среды, и это позволяет мне с робкой надеждой устремляться к таким же, как и я, людям, борющимся с такими же, как и мои, проблемами.

Над моим рабочим столом прикреплена табличка со словами Фридриха Генриха Якоби, наилучшим образом передающими содержание моей духовной борьбы:

Умом я... язычник, но всем своим сердцем я христианин. Я плыву между двумя потоками, которые, не смыкаясь, держат меня на плаву, но пока один из них поднимает меня, другой тянет вниз.

Я часто размышляю над вопросом, почему мне труднее верить в Бога, чем большинству моих друзей и коллег. Вдумываясь в смысл этой цитаты, я вспоминаю свой собственный религиозный опыт, основанный на строгом разграничении *сердца* и *ума*. Когда я в детстве слышала призывы, звучавшие у алтаря нашей маленькой сельской церкви, и видела, как возрождаются люди, во мне формировалась вера *сердца* — моя религия, связанная с Богом посредством моего личного опыта. Многие люди свидетельствовали о том, как Бог говорит с ними и отвечает на их молитвы очень личным образом, а иногда о чудесах и видениях, в которых Он так явственно заявляет о Себе. У меня такого опыта нет. Если Бог и пытался достучаться до меня, я, по-видимому, не замечала посылаемых Им сигналов. И мне приходилось общаться с Ним с помощью единственного доступного мне канала — через мои чувства, через мое сердце.

Позднее, в пору ранней молодости, проходившей в обстановке верности букве строгого фундаментализма, акцент на личном опыте уступил место рациональному библейскому подходу. Однако это тоже не приблизило меня к Богу, и я по-прежнему не улавливала сигналов, которые Он, возможно, мне посылал. Рационалистическая апологетика только порождала во мне новые вопросы и сомнения, а моя *светская жизнь* все больше отдаляла меня от моей *духовной жизни*. Этот дуализм *сердца* и *ума* жив во мне до сих пор. Иногда мне хочется, чтобы моя вера сместилась в одну или другую сторону, ведь такой дисбаланс нарушает устойчивость, необходимую для безопасного плаванья по морю сомнений. Откуда бы ни приходил их поток — из пучины ли горя и боли или от метафизических учений, стабильность отступает там, где сосуд веры раскачивается взад-вперед или под тяжестью собственного веса дает крен то в одну, то в другую сторону. Равновесие наступает тогда, когда обе составляющие — *сердце* и *ум* — соединяются и утверждают в Божьей благодати.

В нашем современном окружении нам легче, нежели верующим прошлых поколений, утверждаться и сердцем, и умом. Рационализм уже не господствует, как раньше, и большинству христиан не приходится бороться, чтобы удержаться на плаву, как приходилось бороться Якоби и мне. Я научилась справляться с этим духовным бедствием, которое, как я иногда чувствую, не позволяет сердцу и уму объединиться и противостоять натиску бушующего моря сомнений. Похожую

«водную» метафору использовал Фланнери О'Коннор: «Вера приходит и уходит. Она поднимается и спадает, как прилив и отлив невидимого океана»⁴. Так что пока *сердце* постоянно держит меня, *ум* погружает в водную пучину. Когда же я подсознательно чувствую приближение отлива, я цепляюсь за моих дорогих спасителей — милые моему сердцу старые гимны:

Свирепые волны вздымаются надо мной,
Тайные рифы и предательские мели
Угрожают мне...

Как мать, убаюкивающая свое дитя,
Ты усмиряешь бушующий океан...
О, чудный Властелин моря,
Иисус Спаситель, веди меня.

Когда же, наконец, я устремлюсь к берегу
Под устрашающий рев бурунов,
Дай мне услышать Твой голос:
«Не бойся — Я с тобой!»⁵

Одно я знаю наверняка — реальность существования Бога не зависит ни от меня, ни от моей веры или моего неверия. Господь знает все о моей постоянно колеблющейся вере. Он управляет искренним исповеданием моего сердца. Не сомневаюсь, что Он слышит мою молитву: «Из тесноты моей, из скорби и тьмы, Иисус, я иду к Тебе, Иисус, я иду...», даже если порой я не могу сразу перейти к следующей строке и продолжить с уверенностью: «...в Твою свободу, в Твою благодать и в Твой свет, Иисус, я вхожу»⁶, все равно я верю, что Он слышит меня. Бог лучше меня знает все истоки моей борьбы за веру. Возможно, они скрыты в моих генах. Похоже, что из нас, пятерых детей наших родителей, никто не смог верить искренне, но, в отличие от моих братьев и сестер, я отдаю свое неверие Богу.

«О, чудный Властелин моря, Иисус Спаситель, веди меня».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Глава 1. «Верую, Господи! помоги моему неверию»	10
Глава 2. Повесть о двух проповедниках	24
<i>Билли Грэм и Чак Темплтон</i>	
Глава 3. Семья Смитов	37
<i>Исследование типичного случая утраты веры</i>	
Глава 4. Познание Бога	48
<i>Тайна или обыденность?</i>	
Глава 5. Темная ночь души	60
<i>Тонкая грань между верой и неверием</i>	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Глава 6. Сомнения и неверие в библейском и историческом аспектах	72
Глава 7. Естественные науки и философия — вызов вере	88
Глава 8. Богословские проблемы и критика Библии — вызов вере	106
Глава 9. Психология и социология — вызов вере	123
Глава 10. Разочарование в Боге и Его служителях	139
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
Глава 11. Новая жизнь без веры	154
<i>Поиск счастья вне общины</i>	
Глава 12. Миссионеры неверия	167
<i>Благая весть и ее глашатаи</i>	
Глава 13. Ответ сомнениям и неверию	180
<i>Лицом к лицу с трудными вопросами</i>	
Глава 14. Подлинные истории возвращения к вере	193
Послесловие	206
Примечания	208
Указатель имен	219